

УИЛЬЯМ ГРИФИС
МИР
ЯШОНСКИХ
ВОЛШЕБНЫХ
СКАЗОК

Азиатские сказки и легенды

Сказки народов мира

Мир японских волшебных сказок

«Дримбук»

УДК 821.521
ББК 82.3(5)

Сказки народов мира

Мир японских волшебных сказок / Сказки народов мира —
«Дримбук», — (Азиатские сказки и легенды)

ISBN 978-5-00155-562-9

Классические японские волшебные сказки собраны в сборник американским востоковедом Уильямом Эллиотом Гриффисом. Сказки ярко демонстрируют уникальную культуру и самобытность Японии. За каждой историей скрывается древняя мудрость, которая прошла сквозь века и сохранила свой смысл и значимость. Сборник проиллюстрирован черно-белой и цветной японской живописью, воссозданной по древним первоисточникам. Некоторые сказки впервые публикуются на русском языке. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.521

ББК 82.3(5)

ISBN 978-5-00155-562-9

© Сказки народов мира
© Дримбук

Содержание

Предисловие	6
Встреча звездных влюбленных	9
Путешествие двух лягушек	13
Сын бога грома	17
Воробей с отрезанным языком	21
Светлячки для влюбленных	25
Битва обезьяны и краба	31
Волшебный чайник	35
Принц-Персик и остров сокровищ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Уильям Гриффис

Мир японских волшебных сказок

© И. Мизина, 2022.

© «Дримбук», 2022

© «Яуза-каталог», 2022

Предисловие

Тридцать четыре истории, включенные в этот сборник, не содержат кровавых и безнравственных сцен, а также эпизодов, связанных с мщением, которыми перенасыщена японская литература для юношества. Я очень старательно избегал их.

Кроме того, эти истории показаны в большей степени с художественной, чем с литературной точки зрения: при отборе меня интересовало именно творчество, плоды японской фантазии. С самого первого момента знакомства с японской молодежью (а он состоялся двенадцать лет назад) я страстно полюбил слушать устные истории, которые рассказывают у очага. Позже, когда я жил почти четыре года среди японцев, я воочию увидел в японском искусстве невиданное изобилие фантазии, богатство литературных, исторических и прочих аллюзий, каламбуров, мифов и загадок, героики, чудес и легенд; и я сразу же начал искать источник идей, выраженных в бронзе и фарфоре, запечатленных на лакированных шкафчиках, веерах и даже на салфетках из гофрированной бумаги и на мешочках для всякой всячины. Иногда мне удавалось обнаружить источники фантазии художников в книгах, а иной раз – в устных историях обычных людей или профессиональных сказителей. Некоторые из сказок я сначала «прочитал» в татуировках на ногах, руках или торсах местных бегунов, другие я впервые заметил на табличках-картинках уличных выставок цветов в Токио. В этом сборнике читатель найдет как переводы, выжимки из больших книг, огромных романов, так и несколько зарисовок самого автора, воплощающих японские мысли, верования и суеверия. Мне кажется, я обращался с этим материалом ничуть не более вольно, чем это делает современный сказатель из Токио, рассказывая свои истории в американской гостиной, а не с возвышения, увешанного бамбуковыми занавесками, в Янаги Чо (Ивовая улица) в столице Микадо.

Некоторые из историй были известны в Англии и раньше, но большая их часть печатается в первый раз. И лишь немногие появлялись в газете «Индепендент» (*The Independent*) и других периодических изданиях.

В надежде, что эти безобидные истории, будящие воображение японских детей на протяжении бесчисленного количества поколений, порадуют также взрослых и маленьких американ-

цев, писатель приглашает читателей словами хозяина-японца, когда тот указывает на палочки и затем на стол: «*O agari nasai*» («Пожалуйста, заходите»).

У. Э. Г.,

г. Скенектади, штат Нью-Йорк, 28 сентября 1880.

Встреча звездных влюбленных

Одной из величайших дат календаря Древней Японии было седьмое июля, или, как говорили японцы, «седьмой день седьмого месяца». Этот день помечался ярко-красным, и у каждого ребенка в ожидании его горели глаза, он хлопал в ладоши и считал, загибая пальцы: ведь каждый вечер приближал этот день. И вот в доме уже приготовлены все фрукты и овощи, испечены все пироги. Мальчики нарезали бамбуковые стебли и привязали к ним яркие ленты, звонкие колокольчики и длинные полоски бумаги с написанными на них стихами. Этой ночью матери просят, чтобы их дети были богатыми, счастливыми и добрыми, а также мудрыми. Девочки же часто высказывают пожелание стать искусными швеями. Но в год можно загадать лишь одно желание. А потому, если кто-то хочет много: здоровья, богатства, мастерства в шитье, мудрости и т. д., – то ему придется ждать долгие годы, прежде чем он получит все задуманное. А еще в этот день лучше бы не было дождя. Хорошим знаком считалось, если паук сплел свою паутину на поверхности дыни, или, будучи помещенным в коробку, он выткал там круглое «полотно». А причиной всех этих приготовлений являлось то, что седьмого июля юноша-звезда Пастух и девушка-звезда Ткачиха пересекают Млечный Путь, чтобы встретиться друг с другом. Мы называем эти звезды Козерог и Альфа из созвездия Лиры. Сияя высоко-высоко, они похожи на молодого человека с быком и девушку с челноком. В сказке так говорится о них:

* * *

На берегах Серебряной Небесной Реки (мы называем ее Млечный Путь) жила-была прекрасная девушка – дочь солнца. Ее звали Сокуйю (Танабата). В отличие от подружек она не интересовалась играми и развлечениями и, не думая о пустых нарядах, носила лишь самые простые платья. Однако, будучи очень трудолюбивой, она шила множество одежд для других. Она была так занята все время, что все называли ее Ткачихой или Принцессой-пряхой.

Король-солнце знал о серьезности и необычном характере дочери и потому пытался как-то развлечь ее. Наконец он решил выдать ее замуж. Поскольку о браках в звездной стране обычно договариваются родители, а не глупые влюбленные парни и девушки, он, не посоветовавшись с дочерью, сделал все необходимые приготовления сам. Молодого человека, которому король-солнце решил отдать руку своей дочери, звали Кингин; он владел стадом коров, пасшихся на берегах небесного ручья. Живя на той же стороне реки, он всегда был хорошим соседом, и потому отец считал, что юноша станет ему добрым зятем, а время смягчит нрав и привычки его дочери.

Однако не успела девушка стать женой, как ее нрав и привычки сильно изменились к худшему, и отцу пришлось столкнуться с тем, что называется *tadashiku suguru* (тадасику сугуру – «через край»). Молодая жена сделалась не просто живой и веселой, но еще и совершенно забросила нитки и иголку. Целыми днями и ночами она развлекалась и бездельничала, и ни один глупый влюбленный не смог бы сравниться с ней в сумасбродстве.

От всего этого король-солнце пришел в страшное раздражение, начал во всем винить ее мужа и задумал разлучить супругов. Так, он приказал зятю переехать на другую сторону реки звезд и сказал, что отныне мужчина будет видеться с женой только раз в год, в седьмую ночь седьмого месяца. Чтобы построить мост над морем звезд, король-солнце созвал тучи сорок; они прилетели на его зов и образовали мост из своих крыльев и спинок, будто это была настоящая дорога на твердой земле. И вот, помахав плачущей жене на прощание, любящий муж печально направился на другую сторону Небесной Реки. Но не успел он ступить на противополо-

ложный берег, как сороки разлетелись – лишь их болтовня слышалась в небесах. Долго-долго любящий муж и плачущая жена стояли и с тоской глядели друг на друга издали. Затем они разошлись: он – пасти своего быка, а она – долгими часами прилежно шить, склонившись над работой. Так проходил день за днем, и король-солнце снова радовался трудолюбию дочери.

Но когда опускалась ночь и зажигались небесные светила, влюбленные приходили на берег звездной реки и долго стояли там, не отрывая глаз друг от друга и ожидая седьмой ночи седьмого месяца.

Назначенное время приближалось, и любящая жена боялась лишь одного. Всякий раз, когда она думала об этом, ее сердце начинало биться все быстрее и быстрее. А что если будет дождь? Ведь Небесная Река и так полна до краев: еще одна капля – и начнется наводнение, которое смоет птичий мост.

Но ни одной капли не пролилось. Наступил седьмой месяц и седьмая ночь, и небо было ясным. Мириады сорок с радостными криками слетелись к реке и выстроили узенький мостик – только для крошечной женской ступни. Дрожа от радости и слыша, как громкие удары ее сердца заглушают даже птичий гомон, она перешла через Небесную Реку и оказалась в объятиях мужа. И так повторялось из года в год. Любящий муж стоял на своем берегу реки, а жена шла к нему по мостику из сорок, боясь, как бы не случилось дождя. И вот так каждый год люди надеются на хорошую погоду, а праздник счастья отмечается и старым и малым.

Путешествие двух лягушек

На расстоянии сорока миль (64 км), которые пролетают журавли, стоят два великих города – Осака и Киото. Один из них – город каналов и мостов. На его улицах идет оживленная торговля, а по водным путям туда-сюда снуют лодки, словно деревянные челноки в ткацком станке. Второй же является священным городом империи Микадо; он опоясан зелеными холмами и девятью кругами цветов. На его тихих чистых улицах, разложенных, будто шахматная доска, гуляют выбритые монахи и одетые в мантии студенты. Ах, как красив Киото с его прекрасными девушками, храмовыми садами, замковыми стенами, башнями и крепостными рвами, в которых цветут белые лотосы.

Давным-давно, в старые добрые времена, еще до того, как мужчины с волосатыми лицами и бледными щеками пришли из-за Моря Великого Мира (Тихого океана) в Японию; еще до того, как грохочущий двигатель, испускающий черный угольный дым, начал пугать белоснежных цапель на рисовых полях; еще до того, как черные вороны и драчливые воробьи, не боясь человека, уселись на телеграфные провода; еще до того, как люди впервые только подумали о железной дороге, жили-были две лягушки: одна – в колодце в Киото, а другая в лотосовом пруду в Осаке.

На Земле Богов (в Японии) все знают поговорку о том, что «лягушке в колодце неведом великий океан»; и киотская лягушка так часто слышала эти обидные слова от девушек, которые приходили к колодцу с ведрами, висящими на бамбуковой палке, чтобы набрать воды, что решила поехать за границу и повидать мир, особенно *tai kai* (тай кай – «великий океан»).

– Увижу своими глазами, – сказал мистер Ляг, проверяя бумажник и протирая очки, – что это за великий океан, о котором все говорят. Держу пари, что он и вполтину не такой глубокий и широкий, как мой колодец, где я даже днем вижу звезды.

А правда состояла в том, что недавнее землетрясение изрядно уменьшило глубину колодца, и он сильно обмелел. Мистер Ляг сообщил семье о своих намерениях. Миссис Ляг сначала разрыдалась, но затем, промокнув глаза бумажным платочком, объявила, что будет на пальцах считать часы до возвращения супруга и всякий раз во время завтрака и ужина ставить на стол тарелку и приборы и для него – будто он дома. Она наполнила маленькую лакированную коробочку вареным рисом и улитками – ему в дорогу – и завернула ее в шелковую салфетку; положила запас одежды в узелок и повесила его мужу на спину. Завязав веревочку от узелка на шее, он схватил вещи и приготовился отправиться в путь.

– *Sayonara* (Сайонара – «До свидания»)! – воскликнул он со слезами на глазах и ушел прочь.

– *Sayonara. Oshidzukani* (Сайонара. Осидзукани – «До свидания. Не беги»), – проквала миссис Ляг, и вся лягушачья семья хором поддержала ее.

Два лягушонка были еще малышами, головастиками с хвостиками в полдюйма, и, конечно, их пока что для переноски привязывали на спины к старшим братьям.

Выбравшись из колодца на землю, мистер Ляг заметил, что другие животные не прыгают, а ходят ногами. И, не желая показаться чудачком, он тоже начал бодро передвигаться либо прямо, либо опираясь на все четыре конечности.

Между тем случилось так, что в то же самое время отец семейства, лягушка из Осаки, вдруг ощутил какое-то беспокойство и неудовлетворенность своей жизнью на краю лотосового рва. И он решил «вывести львенка в долину».

– Ничего себе! Какое хвастовство для лягушки! – воскликнет читатель. – Что это значит?

Я должен сказать вам, что осакская лягушка была философом. Прямо на берегу лотосового пруда располагался монастырь, где жили буддийские монахи, которые каждый день изучали священные свитки и погружались в чтение книг Конфуция, желая выучить их. Наша

лягушка слышала эти тексты так часто, что могла (конечно, на лягушачьем языке) повторить мудрые изречения и исполняемые речитативом ответы на вечерние молитвы от имени великого идола бога Амида. Действительно, отец-лягушка так часто был свидетелем споров о тех или иных отрывках из классики, что и сам сделался мудрецом и философом. Однако, как гласит поговорка, «мудрец не бывает счастливым».

А почему? Несмотря на бережок из мягкой грязи, обилие зеленой ряски и застоявшейся воды, тенистые листья лотоса, упитанную жену и многочисленную семью – словом, все то, что делает лягушку счастливой, лоб, а скорее – живот отца-лягушки покрывался морщинами из-за того, что он долгое время бился над решением таких запутанных проблем, как, например:

Монахи часто приходят на берег пруда, чтобы посмотреть на розово-белый лотос. Однажды в летний день, когда маленький лягушонок, только-только миновавший стадию головастика, когда у него еще оставался небольшой кусочек хвостика, сидел, наслаждаясь теплом, на огромном круглом листе, один монах сказал другому:

– На какие мысли он тебя наводит?

– Лягушонок не может стать никем, кроме лягушки, – сказала, рассмеявшись, бритая макушка.

– А ты как думаешь?

– Белые цветы лотоса проклевываются из черной грязи, – важно ответил другой, когда они оба уходили.

Старая лягушка, сидящая поблизости, подслушала их разговор и начала философствовать:

– Г-м-м! Лягушонок не может стать никем, кроме лягушки, да? Но если грязь становится лотосом, почему лягушка не может стать человеком? Почему? Мне вот интересно, если мой любимый сынок поедет за границу и повидает мир – отправится в Киото, например, – почему бы ему не сделаться таким мудрым, как эти бритоголовые люди? В любом случае надо попробовать. Отправлю-ка я своего сыночка в путешествие в Киото. «Выведу львенка в долину» (то есть пошлю любимого сына в путешествие – повидать мир и поучиться) поскорее. Пожертвую собой ради отпрыска.

«Плюх! Клюх!» – разнеслось в воде, и пара перепончатых лапок исчезла. «Львенок», выслушав множество отцовских наставлений и советов о том, что нельзя попадаться в клюв длинноногому аисту и что нужно обходить невежливов людей и мальчишек, так и норовящих пришибить тебя камнем, был готов отправиться в путь.

– *Kio ni no inaka* (Кио ни но инака – «Даже в столице есть невежды и грубияны»), – сказал отец-лягушка.

Вот как получилось, что старый лягух из Киото, и «львенок» из Осаки вышли каждый из своего дома в одно и то же время. Ничего примечательного с ними не произошло, и удача сопутствовала им до тех пор, пока они не встретились на холме у Хашимото, что как раз на полпути между двумя городами. Оба натерли лапки и перепонки, оба устали и особенно натрудили бедра, поскольку пытались не прыгать, как положено лягушке и как они это делали раньше, а двигаться в несвойственной им манере.

– *Ohio gozarimasu* (Охио гозаримасу – «Доброе утро»), – сказал «львенок», опустившись на четыре конечности и трижды наклонив голову к земле, стараясь при этом, скосив левый глаз, посмотреть, отвечает ли другая лягушка должным образом на его приветствие.

– *He, konnichi wa* (Хе, конничи ва – «Да, здравствуйте»), – произнесла в ответ лягушка из Киото.

– *O tenki* (О тенки – «Сегодня славный денек»), – заметил лягушонок.

– *He, yoi tenki gozence* (Хе, йои тенки гозенс – «Да, очень славный»), – ответил взрослый лягух.

– Я Гаматаро из Осаки, старший сын Хики Дона, сэнсэя Но Ками (Лорда лягушки-быка, принца Лotosовой канавы).

– Ваша Светлость, вы, должно быть, утомились в путешествии. Я Кайеру-сан Идомитцу (сэр Ляг из Колодца) в Киото. Я отправился посмотреть на «великий океан» из Осаки, но должен вам сказать, что мои бедра так смертельно устали, что мне уже хочется оставить эту затею и удовлетвориться видом с этого холма.

На самом деле, чтобы посмотреть на Осаку, взрослой лягушке пришлось бы встать не просто на задние лапки, а на какие-нибудь высокие ходули, но лягушонок так устал, что поверил бы чему угодно. Между тем мистер Ляг, вытерев лицо, произнес:

– Давайте избежим проблем, связанных с дальнейшей дорогой. Этот холм расположен на половине пути между двумя городами, и если я вижу Осаку и море, значит, вы можете взглянуть на Кио (то есть столицу, или Киото).

– Отличная мысль! – заметил лягушонок из Осаки.

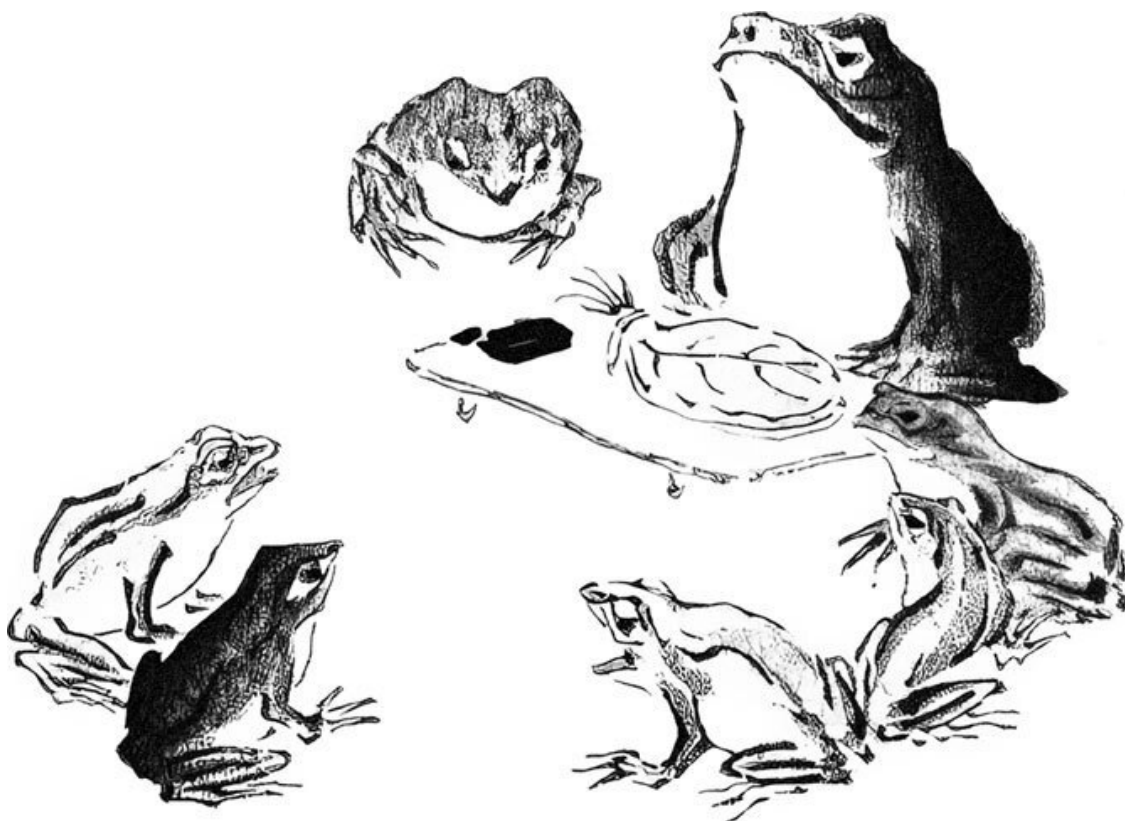
Они оба поднялись на задние лапки и даже встали на цыпочки – тельце к тельцу, шея к шее, стараясь смотреть поверх голов друг друга, пуча глаза и пристально глядя туда, где, по их предположениям, находилось то место, которое каждый из них хотел увидеть. Всем известно, что глаза у лягушки оказываются в передней части головы, когда она садится, и в задней, когда она встает. Ну точно компас на подвесе.

Они долго вглядывались вдаль, пока, наконец, не устали кончики лапок – и лягушки не опустили на четыре конечности.

– Хочу заявить, – сказал старый *yaze* (язе – «папаша»), – что Осака выглядит точь-в-точь как Киото. А что касается «великого океана», о котором толковали глупые девицы, то я не вижу ничего, если они, конечно, не имели в виду ту тоненькую полоску реки, похожую на Йодо [главная река префектуры Осака. – Прим. переводчика]. Не верю я ни в какой «великий океан»!

– А я, со своей стороны, – заявил «львенок», – считаю дальнейшее путешествие большой глупостью, поскольку Киото и Осака похожи, как зернышки риса. – И затем он пробормотал себе под нос: – Старый Тотцу-сан, мой отец, со всей своей философией – просто дурак.

На сем они поздравили друг друга со счастливым завершением трудной экспедиции, которую представляли в мыслях долгим путешествием, полным трудностей и опасностей. Обменявшись многочисленными комплиментами, они расстались и, перейдя опять на лягушачьи прыжки, поспешили снова преодолеть свои полпути: один – к своему колодцу, а другой – к пруду. Каждый из них рассказал о том, что оба города совершенно одинаковы, и это наглядно доказывает глупость тех, кого называют людьми. А что до старого джентльмена из лotosового пруда, так он был так рад возвращению «львенка», что больше никогда не пытался разобраться в философских проблемах. И до наших дней лягушка в колодце не знает никакого «великого океана» и не верит в его существование. И до сих пор лягушата не становятся никем, кроме как лягушками. Все же это напрасный труд – учить земноводных философии, поскольку это то же самое, что «плескать воду в лягушачью физиономию». Однако из черной грязи проклеиваются великолепные белые лотосы; небесно-чистые, они раскрывают свои лепестки – без единого пятнышка – и подставляют их улыбающимся небесам, будучи символом жизни и возрождения.

Сын бога грома

Среди холмов Этидзен, откуда видно заснеженную гору под названием Хакусан, жил-был крестьянин по имени Бимбо. Он был очень бедным, но бережливым и трудолюбивым человеком. Он любил детей, хотя и не имел своих собственных. Ему сильно хотелось усыновить ребенка и дать ему свое имя, о чем он частенько говорил со своей немолодой женой. Но, будучи ужасно бедными, они оба понимали, что было бы лучше не брать детей до тех пор, пока они не улучшат свое положение и не расширят свой земельный надел. Несмотря на бедность, Бимбо владел землей в маленьком овражке, на которой сам и работал. Крохотный ручеек, берущий начало в горах, расположенных выше, сочился сквозь валуны и спускался в овражек, чтобы там присоединиться к речке в находящейся ниже большой долине. В течение многих лет Бимбо усердно трудился, стараясь сделать каменные террасы пригодными для земледелия: он брал плодородный грунт со склонов горы, но чаще всего они с женой приносили его в корзинах из нижней долины на собственных спинах. Эта тяжелая работа длилась многие годы, и в итоге образовался маленький клочок земли, на котором можно было выращивать рис. Крохотный ручеек доставлял туда необходимую воду: ведь рис – ежедневная пища для работников и крестьян – может расти только в мягкой почве, покрытой водой. Крохотный ручеек, прыгающий через скалы и поющий свою песенку в долине, тихо струился по каменным террасам, преодолевая дюжину спусков, прежде чем достигал полей внизу.

Однако, прилагая множество усилий в течение долгих лет и каждый день приступая к работе с первым карканьем ворона и заканчивая ее, когда появляются звезды на небе, Бимбо и его жена владели всего лишь тремя танами ($\frac{3}{4}$ акра) земли в горах. Иногда за все лето здесь не выпадало и капли дождя. Тогда ручеек пересыхал, и урожай погибал. Казалось, напрасно они гнули свои спины и вытирали пот с морщинистых лбов. Бимбо трудился не покладая рук, а налоги иногда были больше, чем половина его урожая. Много раз он, качая головой, вспоминал печальную для крестьянина поговорку: «Не жди от нового поля богатого урожая». А еще была и другая мудрость: «Человеческий век – пятьдесят лет».

Однажды солнечным днем после долгой засухи, когда молодые побеги риса, только проклюнувшись, уже начали желтеть, вдруг собрались тучи, а вскоре на землю полился благодатный дождь, засверкала молния, и по холмам прокатилось эхо грома. Но Бимбо, державший в руках мотыгу, был так рад видеть дождь и ощущать прохладные и свежие капли на лице, что продолжал работать, стараясь устроить на своей террасе небольшую запруду.

Вскоре совсем близко уже бушевала настоящая буря, и он решил, что нужно поискать укрытия, чтобы гром не настиг и не убил его. Бимбо, как и все его соседи, часто слышал истории о Райдзине – боге громовых ударов, который живет на небесах и выезжает в шторм показаться. Иногда он убивает людей, бросая на них с облаков какое-нибудь ужасное существо вроде волосатой кошки с железными когтями.

И вот как только Бимбо закинул мотыгу на плечо и собрался идти, его ослепила страшная вспышка молнии. За ней тут же последовал оглушающий удар, и что-то будто упало прямо перед ним. Он закрыл глаза руками, но понял, что с ним ничего не случилось, и потому начал бормотать молитвы Будде, благодаря его за спасение. Он убрал руки от лица и посмотрел вниз, на свои ноги.

Там лежал маленький мальчик – розовенький и теплый; он бодро агукал, не обращая ни малейшего внимания на дождь. Глаза крестьянина широко открылись от счастья и удивления; и, не веря в такую удачу, он аккуратно взял малыша на руки и понес его домой, к своей старухе жене.

– А это подарок от Райдзина, – сказал Бимбо. – Мы будем растить малыша как собственного сына и назовем его Рай-таро (первенец, дарованный громом).

Мальчик подрос и стал очень прилежным и любящим ребенком. Он был таким добрым к приемным родителям и таким послушным, будто родился в их доме. Ему не нравилось играть с другими детьми, он все дни проводил в поле с отцом, разговаривая с ручейком и глядя на небо и облака. Даже когда в деревню приходили бродячие актеры и играли «Дай Кагура» (эта комедия и богов заставляет смеяться) и «Корейского льва», а все мальчишки и девчонки, няньки и женщины веселились, дитя грома оставался в поле или взбирался на высокие скалы, чтобы посмотреть на летающих птиц и текущие далеко внизу воды реки.

В семью крестьянина пришел большой достаток, и он ничего не жалел для ребенка, которого сбросили ему с облаков. Интересно, но теперь над полем Бимбо часто шел дождь, в то время как больше его нигде не было. Бимбо разбогател и стал зваться Канемочи. Он верил, что мальчик Райтаро умел заклинать облака – и те изливались дождем для него.

Миновали года и Райтаро стал высоким и красивым парнем – уже почти мужчиной в свои восемнадцать лет. Старый крестьянин и его добрая жена устроили праздник в день рождения приемного сына. Они ели, пили и говорили о буре, во время которой родился Райтаро.

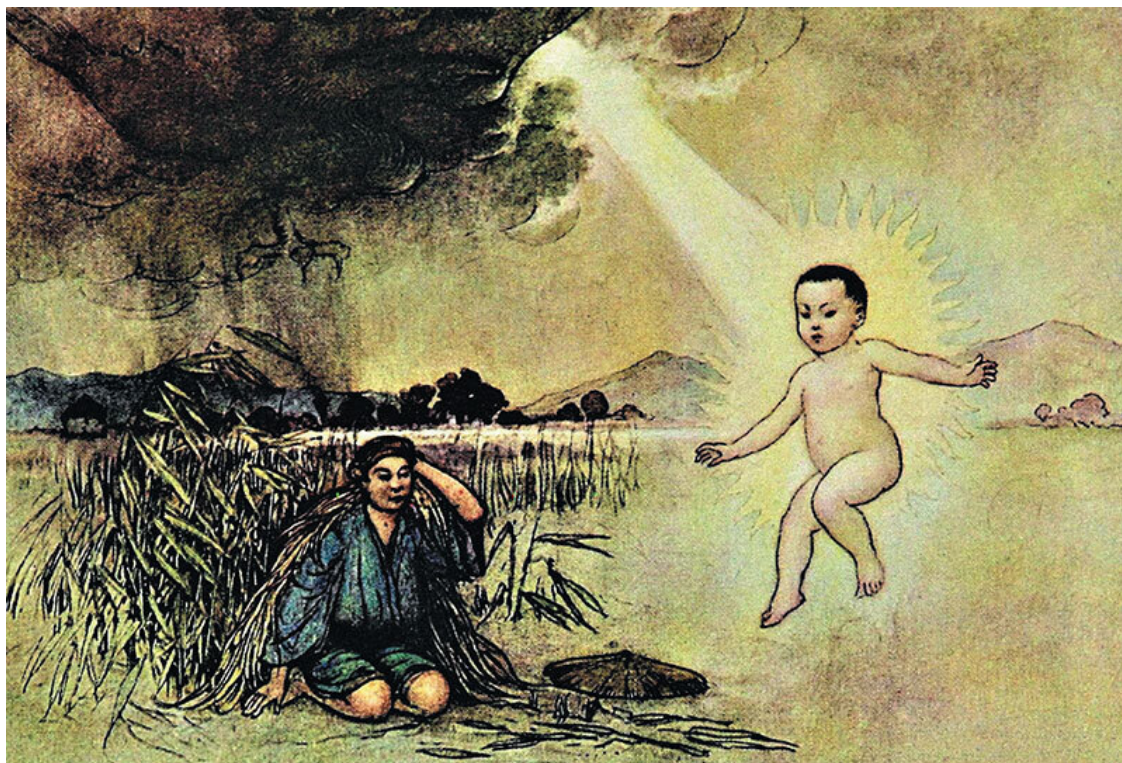
Наконец молодой человек торжественно объявил:

– Мои дорогие родители, я очень благодарен вам за вашу доброту, но сейчас я должен попрощаться с вами. Я надеюсь, что счастье никогда не оставит вас.

И в ту же минуту человеческие черты его лица исчезли, растворились в воздухе, и старики увидели крошечного белого дракона, который недолго покружил над ними и улетел. Супруги вышли из дома, чтобы увидеть, как он, становясь все больше и больше, взмывает над холмами, где собрались белые облака, которые в этот летний день приняли очертания башен и замков из серебра. К одному из замков и летел дракон, который, пока они наблюдали за ним, невероятно увеличился в размерах и затем пропал из вида.

После этого Канемочи и его жена, уже совсем старые и поседевшие, оставили тяжелую работу и счастливо доживали свои дни. Когда они умерли и их тела превратились в горстку белых угольков в каменной печи, где в деревне сжигают умерших, их пепел смешали и поместили в один сосуд, который захоронили на кладбище при храме. На их могиле вырезали белого дракона, которого и сегодня, несмотря на мох и лишайники, можно увидеть среди древних надгробных плит маленького селения.

Воробей с отрезанным языком

Жил-был старик, у которого жена имела очень скверный характер. Она не родила ему детей и не побеспокоилась о том, чтобы взять приемного ребенка. А потому у старика был лишь питомец – крошечный воробушек, которого он кормил и о котором заботился. Вечно недовольная старуха бранила мужа и ненавидела воробушка.

Особенно сварливой она делалась в дни стирки, когда ей приходилось утруждать колени и склонять свою старческую спину над низким корытом, стоявшим на земле.

Однажды она приготовила крахмал для стирки и оставила его охлаждаться в красной деревянной миске. Когда она отвернулась, воробушек сел на край посуды и поклевал немного. Старая ведьма в гневе схватила ножницы и подрезала воробушку язык. Подбросив птицу вверх, она прокричала: «А ну, пошел отсюда!» И бедный воробушек, заливаясь кровью, улетел прочь.

Вернувшись домой и обнаружив отсутствие питомца, старик поднял страшный шум. Он спросил жену, и она рассказала ему, что сделала и почему. Несчастный старик сильно горевал о своем любимце, он долго искал его, звал по имени, а затем решил, что воробушек исчез навсегда.

Прошло много времени, и старик, как-то бродя в горах, встретил своего старого друга – воробушка. Они закричали друг другу: «*Ohio!* (Охаё! – «Доброе утро!»)», – а затем начали низко кланяться и обмениваться пожеланиями всего самого хорошего, в том числе и здоровья. После этого воробушек пригласил старика навестить его скромное жилище, обещая познакомиться того с женой и двумя дочерьми.

Старик пошел за другом и увидел хорошенький маленький домик с бамбуковым садом, водопадом, мостиком и всем необходимым. Затем миссис Воробушек принесла на подносе сладкий мармелад, нарезанный пластиками, леденцы, заварной крем из сладкого картофеля и миску горячих хлопьев, посыпанных сахаром, а еще пару палочек для еды. Мисс Сузуми, старшая дочь, принесла коробочку с чаем и заварочный чайник; пальчиками она крепко держала чашку уже готового чая, которую девушка, встав на колени, предложила гостю на подносе.

– Пожалуйста, угощайтесь. Закуски у нас небогаты, но, я надеюсь, вы будете снисходительны к нашей простоте, – сказала Мама Воробушек.

Обрадованный старик, подивившись такой вежливости со стороны семьи воробьев, с аппетитом поел и выпил несколько чашек чая. И в конце концов, уступив настойчивым просьбам, остался на ночь.

Так старик в течение нескольких дней наслаждался пребыванием в воробьином домике. Он любовался пейзажем и лунным светом, пировал вволю и играл в го (игра с 360 фигурами) с маленькой дочерью Ко-сузуми. Вечером миссис Воробушек приносила закуски и вино, усаживала старика на гладкую подушку и играла ему на гитаре. Мистер Воробушек и его две дочери танцевали, пели и развлекали гостя. Довольный старик сидел, опираясь на бархатные подлокотники; он совершенно забыл о своих проблемах, о боли в руках и ногах, о языке своей жены и чувствовал себя снова молодым.

На пятый день старик сказал, что ему пора домой. Тогда воробушек принес две корзинки, сплетенные из ротанга; обычно в путешествиях мужчины носят такие на плечах. Поставив их перед гостем, воробушек сказал:

– Прошу вас принять этот прощальный подарок.

Одна корзинка была очень тяжелой, а вторая – наоборот, очень легкой. Старик, не будучи жадным, сказал, что возьмет легкую. Итак, после многих слов благодарности, поклонов и прощания он отправился домой.

Он без всяких происшествий дошел до своего жилья, но старая ведьма вместо доброго приветствия начала бранить его за столь долгое отсутствие. Старик попросил ее замолчать и рассказал ей о визите к воробьям, а затем начал открывать корзинку, в то время как сварливая старуха наблюдала за ним, высунув от любопытства язык.

О, вот это да! Золотые и серебряные монеты, драгоценности и кораллы, хрусталь и янтарь, прочный кошелек для денег, плащ-невидимка и такая же шляпа, а также свитки книг и всякие ценные вещицы.

При виде такого богатства старая ведьма сменила гнев на милость, вернее, на улыбку жадной радости.

– Сейчас сама пойду и получу подарок от воробьев, – заявила она.

И вот, завязав свои соломенные сандалии, подтянув юбку и поправив пояс так, чтобы бант был впереди, она схватила свои вещички и отправилась в путь. Прибыв в воробьиный домик, она начала умашивать мистера Воробушка льстивыми речами. Конечно, вежливый воробей пригласил ее в дом, но не предложил ей ничего, кроме чашки чая, а жена и дочери вовсе не показывались. Видя, что она не получит прощальный подарок, наглая женщина сама попросила его. Воробей принес две корзинки и поставил перед ней – одну тяжелую, а другую легкую. Взяв ту, что потяжелее, и не потрудившись даже попрощаться, она вышла за дверь. Затем, мечтая о всяческих богатствах, она открыла корзину.

Как только она сняла крышку, на нее бросилась страшная морская каракатица, рогатый они [в японской мифологии злобный и клыкастый рогатый демон. – Прим. переводчика] вонзил в нее клыки, скелет протянул костлявые пальцы к ее лицу, а длинная волосатая змея с большой головой и свисающим жалом выпрыгнула из корзины, обвилась вокруг старухи и начала крушить ее кости и сдавливать ее, пока та не задохнулась и не умерла.

Похоронив свою жену, добрый старик усыновил мальчика, чтобы тот скрасил его старость, и благодаря подаренным сокровищам безбедно жил до конца своих дней.

Светлячки для влюбленных

В Японии ночные мотыльки светятся так ярко и так красиво, что некоторые женщины выходят вечерами и ловят их просто для развлечения; это можно увидеть на рисунках, которые украшают японские веера. Они помещают их в крошечные коробочки, сделанные из бамбуковых нитей, и подвешивают эти коробочки в комнате или прикрепляют на карниз дома. На пикниках, устраиваемых августовскими вечерами, люди любят сидеть, держа веер в руке и любясь прекрасным пейзажем, который украшен десятками тысяч искрящихся пятнышек золотистого света. Каждый огонек похож на блеск крошечной безвредной молнии.

Ночные мотыльки, а именно самые красивые из них, – источник огромного удовольствия для женщин. Подвесив коробочку со светящимися насекомыми на веранде, девушки сидят и наблюдают, как сияние светлячков привлекает толпы окрыленных посетителей. Что манит их туда и почему гостиная со светлячками полна поклонников, словно королевский двор придворных? Позвольте рассказать вам одну историю.

На южной, солнечной стороне рвов замка Фукуи, что в Этидзэне, вода давным-давно опустилась так низко, что там разрослись лилии лотоса. В самой серединке одного из больших цветов, чьи лепестки были такими же розовыми, как морская раковина изнутри, жил Король Светлячков по имени Хай-о, чья единственная дочь была прекрасной принцессой и звалась Хотару-хайме. Будучи ребенком, хайме (принцесса) всегда оставалась дома, внутри розовых лепестков лилии, и она никогда не выходила даже на краешек цветка, разве что проводить отца, улетающего в путешествие. Она послушно ждала, пока ее собственное тело не начало светиться огоньком и сиять, красиво освещая лотос, который походил ночью на лампу внутри кораллового шара.

С каждой ночью ее свет становился все ярче и ярче, пока, наконец, не стал насыщенным, как золото. И тогда отец сказал:

– Дочь моя выросла, она может иногда вылетать со мной из дома, а когда появится подходящий жених, она может выйти замуж за кого пожелает.

Так Хотару-хайме начала летать среди лилий лотоса в замковом рве, затем навещать богатые рисовые поля и в конце концов добираться и до синих лугов.

Всякий раз, когда девушка покидала дом, за ней следовала толпа поклонников, поскольку она обладала силой привлекать к себе всех ночных мотыльков. Но никому из них не удавалось затронуть ее сердце, и, вежливо разговаривая со всеми, принцесса никому не давала надежды. Кое-кто из светящихся крылатых кавалеров называл ее кокеткой. Однажды ночью она сказала своей матери, королеве:

– У меня столько поклонников, но ни одного из них я не вижу своим мужем. Сегодня я останусь дома, и те, которые на самом деле любят меня, придут сюда и будут здесь ухаживать за мной. И тогда я задам им невыполнимую работу. Если они окажутся мудрыми, то не станут выполнять ее; а если им своя жизнь дороже любви ко мне, то они мне не нужны. Кто бы ни добился успеха, он сможет назвать меня своей невестой.

– Как пожелаешь, дитя мое, – ответила королева-мать и, нарядив дочь в великолепные одежды, усадила ее на трон в самой середине лотоса.

Затем она приказала своей охране, чтобы та держала поклонников на приличном расстоянии, дабы какой-нибудь глупый кавалер – жук-рогач или майский жук, – ослепленный светом, не подошел бы слишком близко и не ударил бы принцессу или не пошатнул бы ее трон.

Не успели сгуститься сумерки, как прилетел золотистый жук, который, стоя на тычинке, с почтением поклонился и сказал:

– Я лорд Грин-Голд, я предлагаю принцессе Хотару свой дом, свое состояние и свою любовь.

– Пойди и принеси мне огонь, тогда я стану твоей невестой, – ответила Хотару-хайме. Склонив голову, жук раскрыл крылья и, не переставая жужжать, удалился.

Следующим прибыл блестящий жук, крылышки и тело которого были черными, как копительная лампа. Он торжественно приветствовал предмет своего обожания.

– Принеси мне огонь, и ты сможешь получить меня в жены.

И жук с гудением улетел.

Почти сразу же появился алый дракончик (стрекоза). Он ожидал, что принцесса, ослепленная великолепием его цвета, не сможет перед ним устоять.

– Я отклоняю твое предложение, – ответила принцесса, – но если ты принесешь мне огненную искру, то я стану твоей невестой.

Стрекозец незамедлительно отправился выполнять поручение, а в это время в зал с ужасающе громким гудением влетел какой-то жук и пылко произнес свое предложение.

– Я скажу «да», если ты принесешь мне огонь, – объявила великолепная принцесса.

Ухажеры, сватающиеся к дочери Короля Светлячков, все продолжали прибывать, до тех пор, пока не заняли все лепестки. Вот они уже выстроились в длинную очередь. И каждый по-своему – гордо или скромно, смело или робко, с лестью или хвастовством, а порой и со слезами – говорил о любви, сообщал о своем положении, разглагольствовал о своем состоянии или клялся в постоянстве, пел песню или исполнял музыкальное произведение. И каждому из претендентов принцесса скромным голосом давала один и тот же ответ:

– Принеси мне огонь, и я стану твоей невестой.

И каждый, ничего не говоря соперникам, думал, что это только его секрет – и спешил за огнем.

Но никто не вернулся обратно, чтобы жениться на принцессе. Как жаль бедных претендентов! Жук, заметив отблеск света, с грохотом влетел в соседний дом через бумажное окно. Страсть переполняла его, а потому он, не думая о дереве или железе, ударился головой о гвоздь и упал замертво на землю.

Черный жук залетел в комнату, где читал бедный студент. Лампой ему служила глиняная плошка, наполненная рапсовым маслом, с фитилем из щепки. Ничего не зная о свойствах растительного масла, несчастный влюбленный жук заполз в плошку, чтобы добраться до пламени, и через несколько секунд утонул.

– *Nan jaro?* (Нан джаро – «Что это?») – удивилась бережливая хозяйка, сидевшая с иглой в руке. Она увидела, что ее лампа вспыхнула на мгновение, задымила и затем затрещала. Убирая угольки, она обнаружила опаленного огнем стрекозца, у которого сгорели алые крылья.

Сойдя с ума от любви, блестящий бражник, боявшийся пламени, все же твердо решил добыть огонь для принцессы. Он летал и летал вокруг горящей свечи, с каждым кругом приближаясь все ближе и ближе.

– Сейчас или никогда, принцесса или смерть, – прожужжал он, рванувшись вперед в попытке схватить искру пламени, но обжег крылышки, упал вниз и скончался в муках.

– Посмотрите, что за дурак, – сказал представитель платяной моли, прилетевший на это место. – Я добуду огонь. Я заползу внутрь свечи.

И вот он полез вверх через полый бумажный фитиль и почти добрался до цели, оказавшись внутри голубой части пламени, но мужчина, чихнувший на фитиль, погубил его.

Судьба поклонников дочери Хай-о оказалась печальной. Одни кружили вокруг маяков, что расположены на мысе; другие порхали у огромных восковых свечей, возвышавшихся на восемь футов над подсвечниками в буддийских храмах; третьи обжигали носики о кончики ароматических палочек или просто задыхались от дыма; четвертые танцевали всю ночь у фонариков в святилищах; некоторые искали погребальные факелы на кладбище; кто-то оказался в печи, где сжигают умерших; кто-то в кухне, где пировали; а были и такие, кто пытался догнать искры, вылетающие из трубы. Но никто не принес огонь принцессе, никто не выиграл приз любви. Многие утратили свои усики, обожгли тело или опалили крылья, но большинство женихов – увы! – следующее утро встретили мертвыми и уже остывшими.

Священники, поправляя лампы в святилищах, и служанки, осматривая фонари, говорили одни и те же слова:

– У принцессы Хотару, наверное, было много поклонников этой ночью.

Увы! Увы! Бедные женихи. Некоторые даже пытались выхватить зеленые огоньки из кошачьих глаз – и были тут же наказаны за свои старания. Один влез в птичий клюв, и его проглотили заживо. Жук-могильщик (уродливый жених) выполз на берег моря и увидел рыбы чешуйки, которые светились в темноте. Жук-олень взобрался на гору и в гнилом стволе дерева нашел что-то светящееся, как огонь. Но расстояние было слишком велико, а потому, когда они достигли замка во рву, уже наступил день – и огоньки исчезли. За ненадобностью и рыбы чешуйки, и куски старого дерева были выброшены.

На следующий день все погрузилось в траур и было так много похорон, что Хи-маро, Принц Светлячков на северной стороне замкового рва, поинтересовался у своих слуг о причине этого. Так он впервые услышал о сияющей принцессе. И вот Принц, который только что унаследовал трон своего отца, воспытал любовью к принцессе и решил жениться на ней. Как и требуют правила брачного этикета, он послал своего камергера к ее отцу, чтобы просить руки девушки. Отец дал свое согласие Принцу, но с условием, что тот выполнит задание принцессы и лично принесет ей огонь.

И тогда Принц во главе своих сияющих батальонов явился лично – лотосовый дворец буквально залили потоки золотистого света. Но Хотару-хайме была так прекрасна, что ее красота не померкла и перед огнем сияющего великолепия Принца. Визит закончился сватовством, а сватовство – свадьбой. В назначенную ночь из белых лепестков лотоса соорудили паланкин; и Хотару-хайме, окруженную, будто факелами, подданными принца, перенесли в его дворец, и там Принц и Принцесса заключили брачный союз.

Много поколений сменилось с тех пор, как Хи-маро и Хотару-хайме поженились, но до сих пор, угождая капризу всех Принцесс Светлячков, их возлюбленные, предлагая руку и сердце, должны принести огонь, иначе они не получают награды. А случается и так, что просьбы некоторых девушек способны довести до смерти их сияющих великолепием поклонников. Потери огромны, поскольку, стремясь достать огонь, тысячи и тысячи насекомых, привлечен-

ных светом, сгорают в тщетной надежде выхватить частичку пламени и растопить тем самым сердце жестокой красавицы, которую они полюбили. Вот почему каждую ночь мотыльки кружат над горящими лампами, и вот почему каждое утро из лампы приходится убирать множество жертв, утонувших в масле или искореженных пламенем. Именно поэтому юные девушки ловят светлячков и сажают их в коробочку: они хотят посмотреть битву влюбленных мотыльков, надеясь на то, что их собственные возлюбленные, мужчины, ради любви отважатся пройти сквозь огонь и воду.

Битва обезьяны и краба

В той земле, где у обезьян или котов не бывает хвостов, а хурма вырастает до размеров яблока с зернами больше, чем у дыни, на склоне песчаного холма жил-был сухопутный краб. Однажды обезьяна пришла к крабу с зернышком хурмы, которое предложила в обмен на рисовый пирог. Краб согласился и посадил зернышко в своем саду, куда ходил каждый день, чтобы посмотреть, как оно растет.

Спустя некоторое время обезьяна снова явилась к крабу и, видя, что прекрасное деревце, дало желто-коричневые плоды, попросила немного хурмы. Краб, извинившись перед обезьяной, ответил, что не может забраться на дерево, чтобы угостить обезьяну фруктами, но он согласен отдать половину урожая, если обезьяна залезет на деревце и соберет хурму.

Обезьяна мигом взлетела на дерево, в то время как краб ожидал ее внизу, уже предвкушая, как будет лакомиться спелыми фруктами. Однако сидевшая на ветке обезьяна сначала набила хурмой свои карманы и затем, отобрав самые лучшие плоды, жадно выела мякоть, а шкурки и косточки бросила крабу прямо в лицо. А еще она с силой швырнула в краба зеленую кислую хурму – у того чуть панцирь не раскололся. Тогда краб решил, как наказать обезьяну. Когда его враг так набил себе живот, что тот даже увеличился в объемах, краб закричал:

– А теперь, мистер Обезьяна, посмотрим, как ты спустишься вниз головой. Спорим, ты не сможешь.

И обезьяна начала спускаться с дерева вперед головой. Именно это и было нужно крабу, так как самые лучшие плоды хурмы начали сыпаться из карманов обезьяны на землю. Краб быстро их собрал и затем мгновенно скрылся в своей норе. Как же рассердилась обезьяна! Она разожгла костер и начала задувать дым в нору – краб едва не задохнулся. Ради спасения жизни ему пришлось выползти из своего жилища.

Обезьяна сильно избила краба и бросила его умирать.

Краб недолго лежал в одиночестве; на него наткнулись три путешественника: ступка для риса, яйцо и оса. Они перенесли его в дом, перевязали ему раны и, пока он лежал в постели, начали строить планы, как уничтожить обезьяну. Беседа шла за чашкой чаю, потом ступка выкурила несколько трубок табака – и вот план уже готов.

Взяв краба с собой (прямо в бинтах и страдающего от боли), они зашагали к замку обезьяны. Оса влетела внутрь и обнаружила, что неприятель отсутствует. Тогда ее друзья тоже вошли внутрь и спрятались. Яйцо закатилось под пепел в очаге. Пчела залетела в чулан. Ступка притаилась за дверью. И они стали ждать, когда же обезьяна вернется домой. Краба посадили у камина.

Обезьяна, появившись ближе к вечеру, сбросила пальто (вот именно это и нужно было осе), чиркнула серной спичкой, разожгла очаг, повесила чайник, чтобы вскипятить чашечку чаю, и достала трубку, чтобы покурить. И как только обезьяна села у очага и наклонилась к крабу, яйцо лопнуло, и желток растекся так сильно, что залепил ей глаза, почти ослепив ее. Обезьяна побежала в ванную, чтобы окунуться в тазик с холодной водой, но тут налетела пчела и ужалила ее в нос. Поскользнувшись, обезьяна брякнулась на пол, и тогда ступка прокатилась по ней и раздавила ее насмерть. И вот товарищи поздравили краба с победой. Доказав, что их дружба настоящая, все они: краб, ступка и оса – начали мирно жить вместе.

Краб женился на дочери богатого краба, обитавшего за холмом, и родственники невесты, которые явились на церемонию, попали на грандиозный праздник хурмы. Вскоре родился малыш-крабик, который сразу же сделался любимцем ступки и осы. И никакие обезьяны больше не портили им жизнь, все жили счастливо.

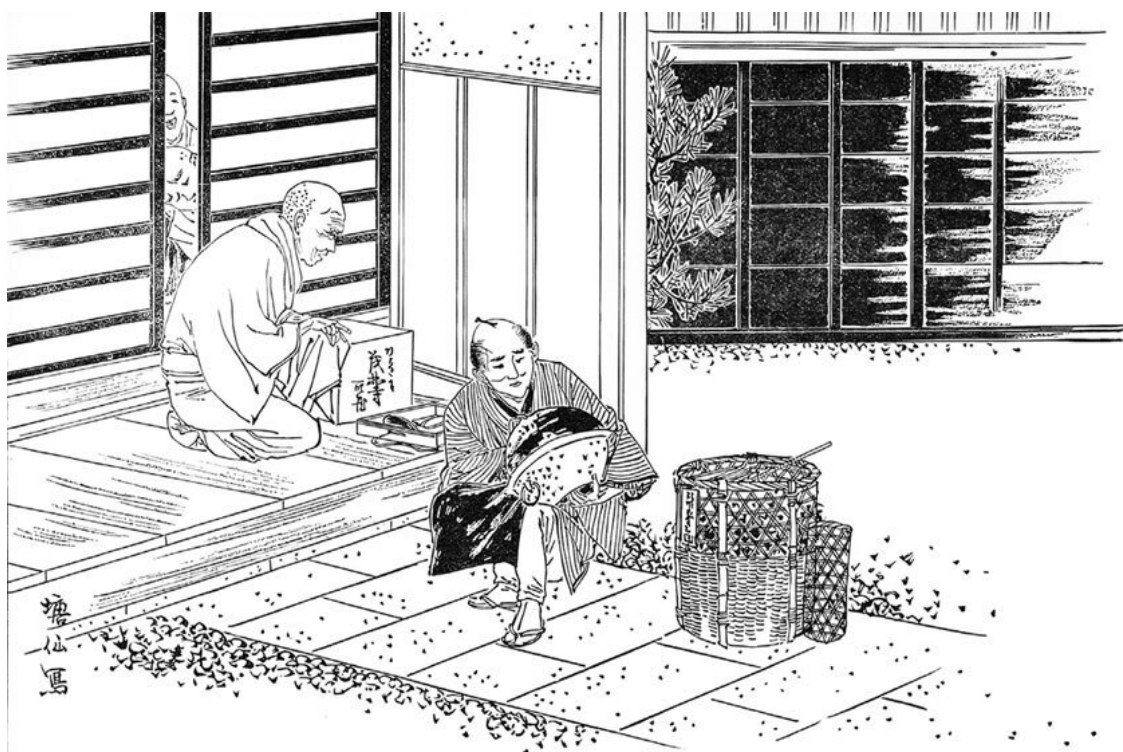
Волшебный чайник

Давным-давно в храме Моринджи, что в провинции Хитачи, жил старый священник. Он сам варил себе рис, кипятил чай, подметал пол и был бережлив, как и положено честному служителю религии.

Однажды он сидел у квадратного очага на середине пола. Веревка и цепь, к которым крепились горшок и чайник, свисали из прикрытого отверстия в потолке, служившего трубой. Медные щипцы лежали на золе, а огонь весело горел. Сбоку очага, на полу, стоял поднос, на котором теснились крошечные чайные чашечки, оловянная коробочка для чая, бамбуковая мешалка для чая и маленький черпачок. Священник смахнул небольшой метелочкой из орлиных перьев золу с краев очага и как раз собирался попить чаю, когда носик чайника запел: «Сузз, сузз». Крышка, подпрыгивая вверх и вниз, сказала: «Паттари-паттари», – а чайник заплясал на огне.

«Что такое?» – произнес старый бонза. То есть он сказал: «*Naru hodo*» («Нару ходо»), – сразу же, как носик чайника превратился в нос барсука с большими усами, в то время как другая сторона посуды вытянулась в длинный пушистый хвост.

«*Yohodo medzurashi*» (Йоходо медзураси), – закричал священник, уронив коробочку с чаем и рассыпав зеленый чай по всей циновке, когда под чайником появились четыре волосатые ножки и странное создание – полубарсук-получайник – спрыгнуло с огня и начало бегать по комнате. Кошмар священника запрыгнул на полку, выставил свой животик и начал всеми четырьмя лапками выстукивать на нем мелодию, как на барабане. Ученики старого бонзы, услышав это, влетели в комнату и после суматошной погони, раскидав горы книг и разбив несколько чайных чашек, поймали барсука и засунули его в бочонок, который используется для хранения маринованной редьки под названием дайкон (или японской квашеной капусты). Они придавили крышку тяжелым камнем. И были уверены, что сильный запах редьки убьет зверя: ни один человек не способен выжить в таком аромате, а значит, и барсук не сможет этого сделать.

На следующий день пришел деревенский лудильщик, и священник рассказал ему о странном посетителе. Желая показать гостю животное, он осторожно поднял крышку бочонка, дабы случайно не выпустить барсука, если тот все еще жив, несмотря на силу кислого кушанья. А там-то! – нет ничего, кроме старого железного чайника. Боясь, что посуда может снова сыграть ту же шутку, священник с радостью продал ее лудильщику, который купил чайник за несколько железных монет. Он понес покупку в свою мелочную лавку, хотя предмет показался ему странно тяжелым.

Ночью лудильщик отправился в кровать, где, как обычно, над его головой висела *andon* (эндон), или лампа с бумажным абажуром. Примерно в полночь он услышал странный шум, будто где-то хлопала железной крышкой. Он сел в постели, протер глаза и увидел железный чайник, покрытый мехом и с ножками. Итак, посуда снова превратилась в мехового зверька. Выпрыгнув откуда-то и схватив веер с крючка, барсук взобрался на абажур и, поднявшись на задние лапки, начал танцевать на нем, обмахиваясь при этом веером, который он держал в передней лапе. Так он проделал множество трюков, а когда мужчина встал с постели, барсук снова превратился в чайник.

– Вот что я тебе скажу, – сказал, проснувшись утром, лудильщик жене, с которой он завел разговор на эту тему. – Я на этом чайнике «гору насыплю» (то есть заработаю кучу денег). Это, несомненно, волшебный чайник, я назову его Бумбуки Чагама (чайник, упоминаемый в литературе и произведениях по военному искусству) и буду показывать публике.

И вот лудильщик нанял опытного в таких делах человека, построил маленький театр и сцену. Затем он велел одному своему приятелю-художнику нарисовать декорации, где были бы гора Фудзи и журавли, летящие в небе, малиновое солнце, просвечивающее сквозь стебли бамбука, красная луна, поднимающаяся над волнами, золотые облака и черепахи, чета Сумиёси, пикник кузнечика, шествие Длинного Лорда и тому подобное. Затем он протянул через сцену крепкую веревку из рисовой соломы, развесил объявления во всех цирюльнях города, сделал деревянные билеты с выжженной надписью «Выступление Волшебного Чайника, вход на одного» – и представление началось. Дом наполнился людьми, которые приходили группами и приносили с собой свои заварочные чайники с чаем, а также корзинки для пикника с рисом, яйцами, просянными лепешками, пирогами из жареной в сахаре сои и другими закусками: ведь они должны были пробыть здесь целый день. Матери приводили детей, поскольку те больше других обожают развлечения.

На возвышении появился лудильщик, одетый в широкие парадные одежды, с веером в руке. Он поклонился и поставил волшебный чайник на сцену. Затем взмахнул веером – и чайник, встав на четыре ножки, забегал кругами – наполовину барсучий, наполовину железный, – стал хлопать крышкой и вилять хвостом. Затем он превратился в барсука, выставил живот и начал выстукивать на нем, как на барабане, мелодию. Он танцевал джигу на натянутой веревке, ходил по провисающему канату, держал веер или зонтик в лапах, стоял на голове и, наконец, при очередном взмахе веера хозяина ему стало холодно – и он снова сделался ржавым чайником. Публика ревела от восторга; слава о волшебном чайнике начала распространяться, и в театр потянулись люди из отдаленных мест.

Год за годом лудильщик показывал это чудо и стал невероятно богатым человеком. Затем он удалился от дел и в знак благодарности снова отнес старый чайник в храм, где теперь к нему относились как к ценной вещи. Его называли Бумбуки Дай Мио Джин (изображения представлены в литературе и военном искусстве).

Принц-Персик и остров сокровищ

Давным-давно в деревне у горы, из которой вытекал ручей чистой воды, жили старик и старуха. Они любили друг друга так сильно и жили вместе так счастливо, что соседи называли их *oshi-dori fu-fu* (оси-дори фу-фу – «голубки») по имени мандариновых уток, которые всегда обитают парами и настолько привязаны друг к другу, что, как говорят, если одну птицу забрать, то другая будет оплакивать ее и умрет. Старик был лесорубом, а старуха вела хозяйство, но они чувствовали себя одинокими, так как не имели детей, и часто сокрушались об этом.

Однажды мужчина отправился на гору нарубить сучьев, а его старуха взяла небольшое корыто и собрала одежду, чтобы постирать ее у ручья. Не успела она приступить к делу, как увидела персик на стебле и два листика, плывущие по воде. Она достала фрукт, отложила его в сторону, а потом принесла домой, чтобы поделиться со стариком. Когда тот вернулся, она положила перед ним персик, даже не представляя, что в нем находится. Старик уже было хотел разрезать фрукт, как тот сам распался на две части, а внутри оказался маленький мальчик. Бережно доставая малыша, счастливая чета не могла нарадоваться ему. Поскольку это был их первый ребенок (таро) и он родился из персика (момо), они назвали его Момотаро, или Дорогой Персик.

Самым удивительным в мальчике была его невероятная сила! Даже будучи еще совсем маленьким, он удивлял приемную мать тем, что, стоя на циновке, легко поднимал корыто для стирки или чайник с горячим чаем, который он мог поставить на голову и идти с ним, не пролив ни капли. Малыш вырос сильным, смелым и хорошим. Он всегда был добр к родителям и помогал им во всем, в том числе и в трудной работе. Много занимался стрельбой из лука и борьбой, умел обращаться с железной дубинкой и не боялся никого и ничего. Он даже смеялся над Они – демонами, жившими в облаках или на необитаемых островах где-то в море. Момотаро также любил птиц и животных.

Далеко в океане был остров, населенный демонами-они с рогами на голове и большими острыми клыками во рту; они делали набеги на берега Японии и поедали людей. В центре острова стоял огромный Замок Они, построенный внутри большой пещеры, где было полным-полно всяческих сокровищ – на любой вкус. Среди них:

1. Шапка, которая делает любого, кто наденет ее, невидимым. Она похожа на соломенную шляпу, но наверху у нее пучок тоненькой травы, а по краю – розовые, как внутренний слой раковины, кружева.

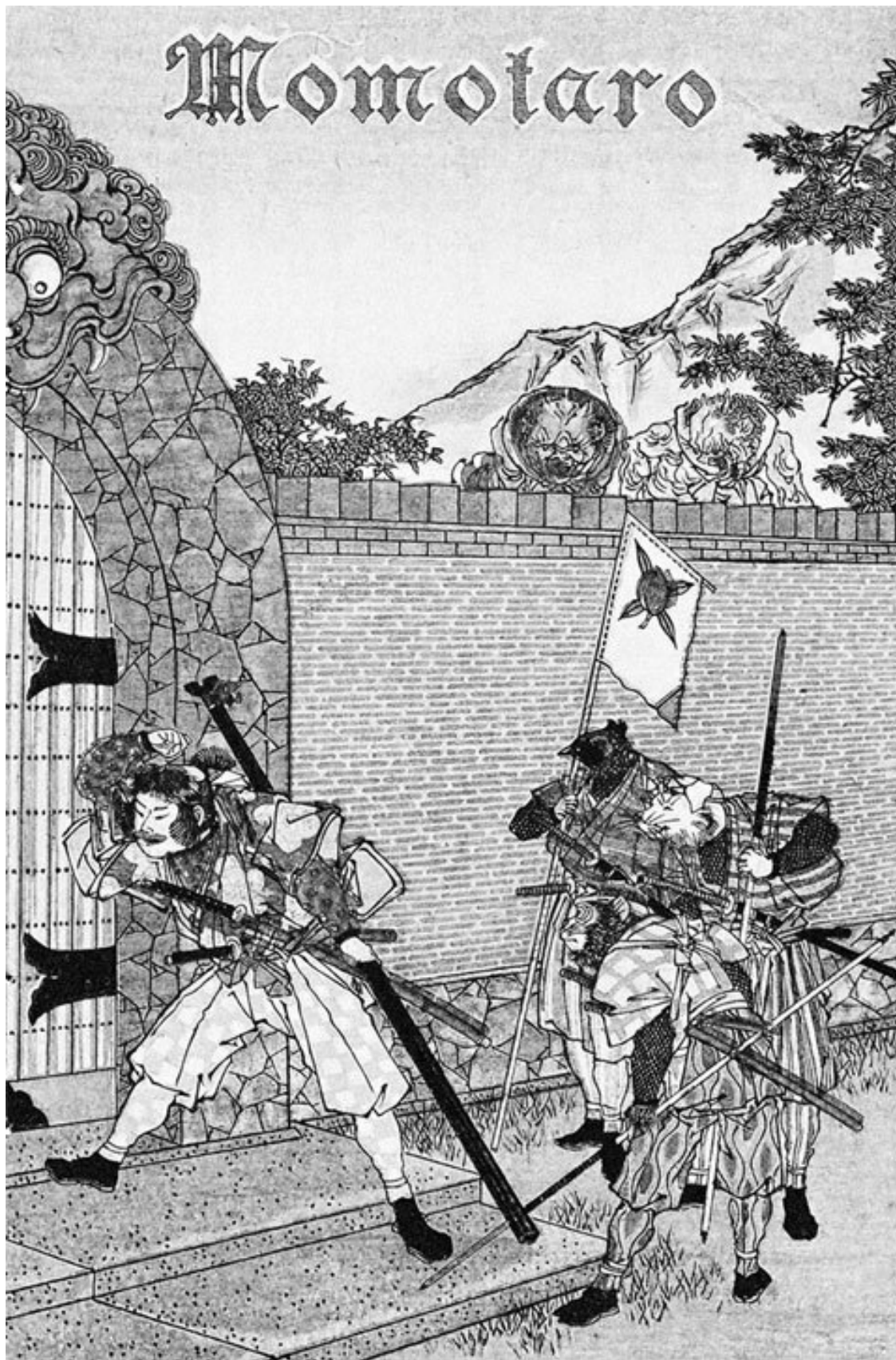
2. Плащ, похожий на дождевик крестьянина, который тоже делает его обладателя невидимым.

3. Хрустальные драгоценности, которые вспыхивают огнем и управляют приливами и отливами.

4. Сиппо, или «семь драгоценностей», в частности, золото и серебро, ветка розового коралла, агат, изумруд, хрусталь и жемчуг. Все вместе они называются *takare mono* (такаре моно), или сокровище.

Момотаро решил одолеть демонов и забрать их сокровища. Он приготовил оружие и попросил старую мать испечь для него немного просяных лепешек. И вот старуха намолочила зерен проса, а старик замесил тесто, и они вместе наделали лепешек, которые маленький герой аккуратно насадил на кинжал и убрал в бамбуковую корзинку. Завернув ее в шелковую салфетку, он перекинул узелок через плечо. Взяв железную дубинку, он еще и прикрепил на спине свой флаг – в знак войны. Флаг был из белого шелка с двумя черными полосами – одна сверху, другая внизу, и вышитым изображением персика со стеблем и двумя листиками, плывущими по бегущему ручью. Это и был его герб, или *sashimono* (сашимоно – «вымпел»). Затем он

попрощался со стариками и быстро ушел. А еще парень взял с собой свою маленькую собачку, которую все время угощал просяными лепешками.

По дороге он встретил обезьяну, которая любила поболтать и продемонстрировать свои зубы. Обезьяна спросила:

– Куда ты идешь, мистер Дорогой Персик?

– Я иду на остров демонов-бни за сокровищами. У меня есть просынные лепешки. Хочешь одну?

– Да, дай мне одну. И я пойду с тобой, – ответила обезьяна.

И вот обезьяна съела лепешку, и они отправились дальше втроем: юноша, собака и обезьяна. Немного позже они встретили фазана, который сказал:

– Охио, Момотаро, доко? («Доброе утро, мистер Принц-Персик, куда ты идешь?»).

Принц-Персик ответил ему и тоже предложил лепешку. Фазан стал его другом.

Принц-Персик и его маленькая армия, состоящая из трех компаньонов, шли-шли, пока не оказались на берегу моря. Там они нашли большую лодку, в которую сели Принц-Персик, собака и обезьяна, а фазан полетел вперед, чтобы найти безопасное место для высадки, так что для демонов-бни их прибытие стало неожиданностью.

Они скрытно подошли к двери в пещеру, а затем Момотаро ударил по воротам железной дубинкой. Вбежав в замок, он начал биться с небольшими бни, и, прорвавшись вперед, маленький герой приблизился к той комнате, где бни-великан только что проснулся после ночной пирушки. Со страшным ревом он потянулся к Принцу-Персику, чтобы проглотить его, но тут собака выбежала вперед и укусила бни за ногу. Обезьяна прыгнула великану на спину и зажала ему глаза руками, в то время как фазан бросился ему в лицо. И в этот момент Принц-Персик ударил демона-бни своей железной дубинкой и бил его до тех пор, пока тот не взмолился о пощаде и не пообещал отдать все сокровища.

Итак, демоны-бни вынесли свои сокровища из хранилища и положили их на большие столы и подносы перед маленьким героем и его крошечной армией.

Момотаро сидел на камне, а его маленькая армия из трех солдат стояла рядом, держа его веер, поскольку он, подбоченясь, уперся руками в колени, как это делают великие полководцы после битвы, когда враг уже сдался. С правой стороны колени преклонила верная обезьяна, в то время как фазан и собака расположились слева.

После того как все демоны-бни признали свое поражение, они упали на колени лицом прямо в пыль и грязь, объявили Принца-Персика своим господином и поклялись с этого момента служить ему. Затем Принц-Персик, взмахнув веером, приказал им встать и отнести сокровища на самый большой корабль, находившийся в их владении, и взять курс на землю. Так и было сделано, Момотаро и его друзья поднялись на борт, а демоны-бни склонились в прощальном поклоне.

Поднялся сильный ветер, который понес корабль по волнам, надувая большой белый парус, словно тетиву лука. На носу находилась длинная черная кисть, подобная гриве лошади, которая при каждом крене погружалась в воду, а при каждом подъеме корабля производила множество брызг.

Между тем старики, начав тревожиться за своего Дорогого Персика, отправились на берег моря и прибыли туда как раз в тот момент, когда на горизонте появился корабль с сокровищами. О как приятно было смотреть на ветви красного коралла и сияющие горы золота и серебра, волшебную шапку и плащ-невидимку, ослепительный блеск камней, повелевающих приливами и отливами, мерцающий жемчуг, груды агатов и хрусталя.

Момотаро вернулся домой с таким богатством, что мог содержать стариков в достатке всю жизнь и самому занять высокое положение. Он произвел в рыцари-самураи обезьяну, собаку и фазана и сделал их своими приближенными. Затем он женился на прекрасной принцессе и счастливо жил до самой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.